

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 303 - 315.

I

Борис Полубояринов, студент-медик, проснулся, как и всегда, в начале восьмого часа. На дворе было светло, хотя солнце еще не всходило; замерзшие на оконных стеклах ледяные узоры -- снежные елочки, кладбищенские кресты и пальмы -- окрасились в розовый нежный цвет утренней зари. День обещал быть морозным и ясным.

Борис вскочил с постели и быстро, с ощущением здоровой свежести и молодой силы во всем теле, принялся за свой обычный туалет. Прежде всего -- сильный холодный душ, заставивший его затрепетать и громко расхохотаться, затем -- полчаса упражнений с гириями и каучуком, после того -- тщательное занятие зубами и ногтями и в конце концов -- десять минут перед зеркалом, посвященные прическе, галстуку и молодым, чуть темнеющим усикам.

Покончив с туалетом, Борис позвонил. По давно заведенному обыкновению, лакей принес ему четыре только что сваренных всмятку яйца, накрытых салфеткой, холодное мясо, полбутылки английского портера и чай. Борис, живо интересовавшийся гигиеной и читавший по этому вопросу все, что выходило у нас и за границей, уже целый год вел жизнь в пределах строгого и точного режима: аккуратность в распределении времени, спорт всех родов и видов, хорошее питание и отсутствие излишеств и волнений. По положению и связям своих родителей Борис принадлежал к замкнутому и весьма немногочисленному кружку М-ских студентов-аристократов. Этот кружок, взявший за образец аристократические кружки Кембриджа и Оксфорда, ничего не имел общего с теми студентами, которые белыми подкладками, исковерканным, расслабленным произношением, скандалами, лихачами и лжепатриотическими громкими чувствами приобрели себе такую некрасивую репутацию. Кружок Бориса требовал от членов прежде всего полной корректности и умения держать себя с той изящной и безукоризненной простотой, которая служит лучшим доказательством воспитания и хорошего тона. Князь Белый-Погорельский, высочайший тип истого джентльмена, первый показывал в этом отношении товарищам недостижимые примеры порядочности. Он пользовался уважением всего кружка, к нему обращались как к третейскому судье в щекотливых случаях, его выбирали делегатом во всех рискованных историях, где надо было пустить в ход громкое имя и связи. Тем не менее prince Pogorelsky [*Князь Погорельский - фр.*] всегда оставался на значительном расстоянии от обыкновенных смертных. Борис втайне обожал князя и тщательно копировал и покрой его сюртуков, и его пленительную простоту в обращении; от него же он перенял себялюбивую страсть к гигиене тела и к физическим упражнениям. Но до высоты своего образца -- он это чувствовал -- Борис никогда не смог бы подняться. Князь Белый-Погорельский изумительно хорошо владел рапирой, плавал, как профессионал, греб, как матрос, считал за собою два велосипедных рекорда, "выбрасывал" двумя руками пятипудовую железную штангу, говорил по-французски, как парижанин, и ходил пешком без усталости, несмотря на то что отец недавно подарил ему пару отличных вороных рысаков. К князю Погорельскому никто из малознакомых не посмел бы подойти, взять его за талию и фамильярно сказать: "Ecoutez, cher ami [*Послушайте, милый друг. - фр.*]", как это сделал недавно в курилке по отношению к Борису Телегин -- фатишка и скандалист из купеческих сынков. Но во всяком случае, Борису льстило, что он так радушно принят в кружке князя Белого.

Окончив завтрак, Борис посмотрел в свой календарь, где против каждого дня на белом листке он сам вписывал заранее, что в этот день надо предпринять. Сегодня день был не особенно занят: "Анатомический театр непременно", "Лекция Т.", "Вечером у В. К.". Первая отметка заставила Полубояринова брезгливо сморщить нос: посещение анатомического театра он давно уже откладывал со дня на день из какой-то странной нерешительности, так что в конце концов получил даже замечание от профессора. Зато последнее -- "вечер у В. К." -- вызвало на губах Бориса довольную улыбку. Под этими инициалами подразумевалась жена одного из приятелей его отца. Борис недавно, всего месяца два тому назад сошелся с нею. Третьего дня он узнал, что муж ее сегодня должен отправиться в командировку, и таким образом целых двое суток были в распоряжении Бориса.